

ЗАПИСКИ И. В. ЛОПУХИНА.

Записки нѣкоторыхъ обстоятельствъ жизни и службы Дѣйствительнаго Тайнаго Совѣтника Сенатора И. В. Лопухина, сочиненныя имъ самимъ.

Книга осьмая.

Молніеносные подвиги Наполеона—сего провидѣніемъ избраннаго орудія на доказательство того, что все трудятся зиждущіе, аще не Господь созидаетъ, въ концѣ 1806-го года приближали опасность и къ Россійскимъ предѣламъ. Сіе побудило тогда къ извѣстному и весьма памяtnому учрежденію временнаго земскаго войска,—или Милиціи.

Нѣсколько Сенаторовъ отправлены были по Губерніямъ съ особыми наставленіями для наблюденія, при семъ учрежденіи земскаго порядка, и особливо внутренняго спокойствія и тишины. Моему надзору ввѣрены были губерніи: Тульская, Калужская, Владимирская и Рязанская. Чтобъ лучше представить какимъ образомъ исполнялъ я сіе важное порученіе, и обстоятельства онаго времени, ввѣрю здѣсь выписку изъ моихъ донесеній, которыя долженъ я былъ тогда еженедѣльно посылать непосредственно къ Государю Императору.

Выписка изъ донесеній.

Изъ Тулы 4-го Генваря 1807-го.

Отъ сердца пылающаго любовью къ Вамъ и Отечеству, всеподданнѣйше приношу Вашему Императорскому Величеству поздравленіе съ началомъ отторженія врага всемірнаго спокойства.

Поспѣшивъ изъ Москвы къ исполненію повелѣннаго въ губерніяхъ, имѣлъ я первый неописанное удовольствіе обрадовать сею побѣдою *) жителей здѣшнихъ и по дорогѣ. Никогда не видалъ я въ народѣ ничего похожаго на ту чувствительность, съ какою приняли сію вѣсть. Крестьяне плакали отъ радости.

Скорое учрежденіе милиціи безпримѣрно глубокое впечатлѣніе въ нихъ сдѣлало. Страхъ имъ представился ближе, нежели когда либо, при покровительствѣ свыше, можетъ онъ, вѣроятно, быть для Россіи. А потому всякое отдаленіе страха сего есть не только нынѣ радость, но оживленіе народу.

И для того-то. Государь, осмѣлюсь представить, что при необходимости уже конечно составленія Земскаго Войска, сохраняя во всѣхъ случаяхъ, особливо настоящимъ, столь нужную дѣятельность, весьма однако полезно не спѣшить, или лучше сказать, не оказывать торопливости, которая тотъ часъ разлиываетъ страхъ въ народѣ. Въ три дня здѣсь испыталъ я сколько онъ успокаивается, сколько ободряется внушеніемъ того, чтобъ неослабно и съ наилучшимъ стараніемъ каждый, содѣйствуя въ спасительномъ дѣлѣ сооруженія общей обороны отечества, и можетъ быть, еще больше, — орудія успокоенія цѣлой Европы, не думалъ однако жъ, чтобъ нѣсколько часовъ, нѣсколько дней промѣшкать опасно было: ибо разстояніе страха отъ предѣловъ нашихъ, не днями считать должно: — слава моши, ихъ охраняющей!

Я увѣряю, и подлинно такъ думаю, что вооруженіе сіе есть точно временное: что, Боже избави Россію, превратится въ Государство военное, что свойственно ей по праведнымъ однимъ причинамъ. метать грома свои далеко за своими предѣлами, а между тѣмъ мирному ея поселянину, природно изощря плугъ свой, о войнахъ же знать только по тѣмъ побѣдамъ, о коихъ рассказываетъ ему посѣдѣвшій въ нихъ ратникъ, котораго покоитъ онъ лаврами увѣнчанную старость.

Между тѣмъ. Государь вездѣ усердіе и ревность достойны сыновъ Россійскаго отечества. Гнусная лестъ была бы однако увѣрять Ваше Величество, что учрежденіе милиціи не считаютъ крайне отяготительнымъ. Многіе мнѣ въ откровенности и здѣсь говорили, что гораздо лучше бы еще по одному, даже по два рекрута взять со ста, если уже необходимость того требуетъ.

---

*) При Пултускѣ.

Государь! усердіе и любовь моя къ Вамъ и Отечеству истинно неописанны. Я не хочу пережить спокойства и славы его и Вашей. И такъ, конечно, говорю вамъ правду. Я жилъ въ Москвѣ и общій образъ мнѣнія извѣстенъ мнѣ. Весьма коротко знакомы мнѣ люди всѣхъ состояній. Нѣтъ никого, кромѣ водимыхъ видами личныхъ выгодъ, или легкомысліемъ, кто бы не находилъ учрежденіе Милиціи тягостнымъ и могущимъ разстроить общее хозяйство и мирность поселянской, особливо, жизни. Кто скажетъ Вамъ иное, Государь, тотъ обманщикъ, не достойный выговаривать именованіе Царскаго престола, коего одно истинное украшеніе есть всемѣрное попеченіе о благѣ Царства, не могущемъ существовать безъ спокойства и личной безопасности, безъ которой не только безопасность предѣловъ Государства но и вся возможная слава и сила вѣтъ,—не дѣлають народовъ счастливыми.

Еще съ вѣрноподданническимъ и патриотическимъ восхищеніемъ скажу, что повиновеніе, готовность, усердіе, вездѣ являются во всемъ своемъ пространствѣ; но сіе-то общее чувство и требуетъ, конечно, самаго рачительнаго сбереженія, какъ самый драгоцѣнный залогъ прямой силы и твердости отечества.

Расположеніе къ пожертвованіямъ денежнымъ и проч. возбуждено до чрезмѣрности. Конечно, во времена самой нужды только сіе можетъ быть пріемлемо. Похваляя здѣсь такое расположеніе, не считаю однако жъ, Государь, за нужное по видамъ истинной и прочной для Государства пользы усиливать возбужденіе онаго. Истощеніе частныхъ силъ и способовъ есть подрывъ общаго обилія и могущества.

Я былъ въ Москвѣ свидѣтелемъ того знатнаго приношенія, которое московское купечество, славяся, сдѣлало раскладкою по гильдіямъ; но видѣлъ я отъ того и ропоть, даже не между бѣднымъ купечествомъ, а у послѣдняго видѣлъ я слезы отчаянія. Впрочемъ они же это наложить на товары и возвышеніемъ цѣнъ усугубится трата.

Обыкновенно нѣсколько человѣкъ увлекають большее число по личнымъ видамъ собственной корысти, или честолюбія. И то, что кажется услугою обществу и пріемлется таковою и награждается, часто бываетъ въ прямомъ существѣ своемъ совершеннымъ злодѣйствомъ обществу.

Когда должно говорить, то не могу я говорить неправду Государю, и не такому, какъ Вамъ, рожденному быть истиннымъ отцемъ

Отечества и примѣромъ благости Царскаго Сана. Вамъ, Государь, говоря правду, я выигрываю, ибо надѣюсь, что пріобрѣтаю чрезъ то Вашу милость. Но не побоялся бы я за правду для отечества и гнѣва Царскаго, потому что отечество люблю я больше себя.

Осмѣливаюсь еще представить Вашему Императорскому Величеству слѣдующее:

1-е) Весьма нужно самое ясное предписаніе и точное во всѣхъ подробностяхъ опредѣленіе отношеній Милиціоннаго начальства къ состояніямъ градскимъ и сельскимъ, и къ вѣдомствамъ Земскимъ; дабы заградить всѣ возможныя пути къ притязаніямъ излишнимъ, нарушающимъ хозяйскія права и спокойство, и могущимъ смущать порядокъ гражданской части.—пути, которые неопредѣленностію и неограниченностію точныхъ отношеній естественно отверзаются. Противодѣйствія двухъ властей, конечно, можетъ воспрепятствовать успѣху дѣла. Нужно, весьма нужно взаимное содѣйствіе и согласіе: но послѣднее столько-же между людьми рѣдко, ежели не совсѣмъ при такихъ случаяхъ не натурально, при движеніи страстей, свойственныхъ человѣчеству.

Власть Главнокомандующимъ областнымъ столь торжественно и, вѣроятно, по самымъ основательнымъ причинамъ данная, не прострется думая, нѣсколько за предѣлы управленія милиціею.

2-е) Хотя и не сообщена еще намъ инструкція или грамота, имъ данная 20-го Декабря минувшаго года, но мнѣ извѣстно, что при назначеніи дней для Экзерцицій Милиціонныхъ, назначается въ ней день *изъ опредѣленныхъ для работъ на помѣщиковъ.*

Дни назначить, конечно, должно, и всего приличнѣе то сдѣлать по соображенію съ хозяйственною удобностію помѣщиковъ. Но Всемилостивѣйшій Государь, повергаясь на колѣна предъ Вами, какъ вѣрнѣйшій подданный и сынъ Отечества, усердствуя о спокойствіи его, всеподданнѣйше, всеубѣдительнѣйше представляя Вашему Императорскому Величеству инымъ образомъ изъясненія о томъ повелѣть, чтобъ не возобновился указъ раздѣляющій время работъ крестьянскихъ на себя и на помѣщиковъ, ограничивающій власть послѣднихъ не сходно съ общею пользою. Указъ, котораго памятни слѣдствія при изданіи его: и который, смѣю сказать, хорошо, что оставался какъ бы безъ исполненія.

Въ Россіи ослабленіе связи подчиненности крестьянъ помѣщикамъ опаснѣе самого нашествія непріятельскаго, и не въ настоящемъ положеніи вещей. Я могу о семъ говорить безпристрастно, никогда истинно не дороживъ правами Государства, стыдясь даже выговаривать слово холопъ; до слабости, можетъ быть, снисходителенъ будучи къ слугамъ своимъ и крестьянамъ. Первый, можетъ быть, хочу, чтобъ не было на Русской землѣ ни одного несвободнаго человѣка, еслибъ только то безъ вреда для нее возможно было. И наконецъ, будучи наканунѣ, по извѣстнымъ Вашему Величеству обстоятельствамъ долговъ моихъ не имѣть, можетъ быть, ни одной деревни! И такъ голосъ мой тутъ не только есть, но и долженъ быть безпристрастенъ. И въ сихъ-то чувствахъ я увѣренъ, что ничего не можетъ быть пагубнѣе для внутренней твердости и общаго спокойства Россіи, какъ расслабленіе оныхъ связей. Внушенія ни какъ не помогутъ, ежели дѣйствія соотвѣтствовать не будутъ.

Я даже осмѣлился Главнокомандующему здѣшной области, Генералу Тутолмину, въ бесѣдахъ съ нимъ по дѣламъ Милиціи, при отъѣздѣ моемъ изъ Москвы, настоятельнѣйше совѣтовать, чтобъ при назначеніи дней не объявлять точно словами раздѣляющими дни работъ крестьянъ на себя и на помѣщиковъ, — простите мнѣ, Государь! — я доношу все откровенно.

Духомъ несказанной преданности вѣрноподданнической цѣлую благотворную Вашу руку, да подписывается она только миръ и благоденствіе Россіи.

*

Изъ Тулы, 11-го Генваря 1804-го.

Вашему Императорскому Величеству всеподданнѣйше доношу, что въ губерніи Тульской все благополучно, и изъ прочихъ обзорнѣю моему ввѣренныхъ, ничего кромѣ пріятнаго не получалъ.

Поспѣшивъ изъ Москвы нарочно къ первому дню новаго года сюда, я засталъ еще здѣсь большую часть собранія дворянскаго: а предводителей всѣхъ, особо собравъ съ предводителемъ губернскимъ, дѣлалъ я имъ надлежащія внушенія.

Рачительное также внушеніе сдѣлано отъ меня купечеству и мѣщанству. Сіе послѣднее и вообще людей нижняго состоянія, почитаю за особливо нужное вразумлять и убѣждать. И дѣлаю то ненарядно; а въ короткости простого обхожденія; въ простотѣ образа моей жизни,

ходя пѣшкомъ и со всякимъ разговаривая. Въ такой же простотѣ осмѣливаюсь и Вашему Величеству доносить, чтобъ яснѣе представить.

Составъ Земскаго войска идетъ съ наилучшимъ успѣхомъ и усердіемъ во всѣхъ Высочайше ввѣренныхъ обзорѣнію моему губерніяхъ: Тульской, Калужской, Рязанской и Владимирской.

Общій духъ рвенія и вѣрности невозможно описать довольно. Но не могу я также скрыть. Государь—и Боже меня избави скрывать отъ Васъ что либо, до спокойства или общей пользы отечества относящееся. Не могу скрыть, что часто, особливо въ тѣхъ состояніяхъ, изъ коихъ рядовыя ратники набираются, много неудовольствій. Отцы, матери естественно жалѣютъ дѣтей,—дѣти ихъ, и тому подобное.

Не можно еще ихъ увѣрить, чтобъ составляемое земское войско было временное, и что не тотчасъ они двинуты будутъ противъ непріятеля, котораго каждый изъ нихъ, по безпримѣрности строгости учрежденія, и такого чрезвычайнаго, каково учрежденіе столь многочисленной милиціи, считалъ по крайней мѣрѣ далеко уже внутри російскихъ предѣловъ, ежели не близко дверей своихъ: едва и теперь отдыхаютъ отъ сей мысли. Доношу просто и справедливо.

Поразительное для всѣхъ впечатлѣніе нечаяннымъ учрежденіемъ симъ сдѣлано прежде; а расположенія успокаивающія пришли послѣ, какъ то: убѣжденія большія о временности земскаго войска; повелѣніе оставаться ему въ прежней одеждѣ, не брить лба и бороды, распоряженіе о пребываніи въ домахъ своихъ и проч.

Но и сіе не можетъ совершенно успокоить никакого рода поселянъ, ни помѣщиковъ. Хозяйство, конечно вообще разстраивается, не говори еще о слѣдствіяхъ неисправимой на опытъ неудобности вліянія властей, въ столь близкихъ и сплетенныхъ отношеніяхъ.

Повелѣвается поселянъ, вписанныхъ въ милицію, не употреблять ни въ какія посылки, или дѣла, которыя бы слишкомъ удаляли ихъ отъ мѣстъ жительства и проч., какъ и естественно. Но обыкновенная и необходимая въ самыхъ пахотныхъ мѣстахъ промышленность крестьянская и польза помѣщиковъ требуетъ нерѣдкихъ отлучекъ отъ домовъ и по положеніямъ оныхъ отъ городовъ неблизкихъ для продажи хлѣба и издѣлій, для закупки лѣса, всякихъ надобностей домашнихъ и проч.

Есть же Губерніи, въ числѣ назначенныхъ для Милиціи, которыя и обилуютъ ими единственно отъ того, что большая часть лучшихъ изъ ихъ поселянъ занимаются промыслами въ отдаленныхъ мѣстахъ и на долгое время каменщики, плотники, трепачи, которые пеньку обдѣлываютъ и проч. и проч., и то селеніе въ самомъ цвѣтущемъ состояніи, въ коемъ остается сколько можно меньшее число людей для работъ домашнихъ.

Въ губерніяхъ, порученныхъ моему обозрѣнію, приходится съ 15-ти безъ малаго и съ 14 ревизскихъ душъ, по одному ратнику. Изъ числа же ревизскихъ душъ въ самыхъ людныхъ селеніяхъ обыкновенно не больше половины бываетъ работниковъ.

Сколько же изъ такихъ годныхъ въ Милицію остается?—И изъ какихъ же по прямому расчисленію долженъ вступить въ нее? 3-й 4-й и едва ли гдѣ 5-й опредѣлится въ Милицію изъ работниковъ. Конхъ въ иныхъ мѣстахъ большая половина на большую часть года отлучаются, и далеко отъ домовъ своихъ для тѣхъ обыкновенныхъ ихъ промысловъ, коими единственно содержатся тамъ селенія въ безбѣдномъ состояніи, какъ напримѣръ, извѣстно мнѣ въ губерніи Калужской.

При всей благоразумной дѣятельности и самомъ ревностномъ попеченіи тамошняго губернатора не уповательно, чтобы точно въ назначенный срокъ можно было собрать въ оной губерніи все положенное съ нее число ратниковъ; ибо Калужская губернія промышленная, и большая часть жителей ея въ расходѣ по разнымъ и отдаленнымъ мѣстамъ. По симъ причинамъ губернаторъ пишетъ ко мнѣ, что не торопится круто, и требуетъ моего наставленія. Я осмѣлюсь, Государь, предписать ему съ своей стороны, чтобъ имѣя въ предметѣ точность исполненія, и нисколько въ немъ не ослабѣвая, въ чемъ на г. Львова весьма положиться можно,—сообразно мѣстнымъ обстоятельствамъ, гдѣ можно однако, свисходилъ бы, не теряя ни одного возможнаго способа къ скорѣйшему успѣху.

Осмѣлюсь предписать сіе для существенной пользы, для сохраненія общаго покоя, и наконецъ по необходимости. Крутость возмущаетъ; а людей, разсыпанныхъ по всей Россіи, вдругъ отыскать нѣтъ возможности.

Въ селеніяхъ же промышленныхъ губерній и особливо въ зимнее время, остаются по большей части люди, имѣющіе свыше 50 и меньше 20 лѣтъ.

По убѣдительной просьбѣ здѣшняго градскаго общества, которое какъ и дворянское отличилось здѣсь усердіемъ и важностію пожертвованій, осмѣлился я также отерочить на 7 дней наборъ или вписаніе въ Милицію тульскихъ мѣщанъ. Они просили для того, чтобъ въ это время отыскать сколько можно находящихся въ отлучкахъ, для назначенія справедливѣйшаго, и для поставки людей больше годныхъ.

Сего требуетъ дѣйствительная польза. А что нѣсколько дней отерочки, ни въ какомъ тутъ случаѣ вредной разницы сдѣлать не могутъ, то кажется оцугительно; сколько же не торопливость въ настоящихъ обстоятельствахъ успокоиваетъ и ободряетъ народъ, начиная съ самаго дворянства, то имѣлъ я удовольствіе, Государь, весьма видѣть здѣсь изъ опытовъ.

Истинная слава Вашего Императорскаго Величества и благо Отечества, въ которомъ единственно и оно блистать можетъ, суть первые у меня предметы, въ дѣлѣ Высочайшею Вашою довѣренностію порученномъ.

По искреннему моему къ Вамъ усердію еще откровенно донесу, что здѣсь, и въ самой Москвѣ, соблазняются тѣмъ, что въ то время, какъ одна часть имперіи обизывается важною и затруднительною повинностію состава вооруженія и снабженія земскаго войска, другая: (не говоря о пограничныхъ губерніяхъ) манифестомъ 6-го Декабря минувшаго года только приглашается къ добровольнымъ пожертвованіямъ.

И подлинно, Государь, не сохраняется тутъ, по крайней мѣрѣ, видъ уравненія, толь облегчающій общее ношеніе всякой тягости. Можетъ быть, что оныя, въ составъ Милиціи не вошедшія губерніи и больше принесутъ, особливо при разныхъ средствахъ возбужденій, которыя, какъ я уже осмѣлился при откровенности моей доносить, не содѣйствуютъ однако жъ существенно къ основательной пользѣ отечества, кромѣ того, что раздражается отъ онаго междуусобная зависть и размножаются случаи. подъ личиною рвенія изощряться лукавству челоуколюбія или корысти на счетъ же общій тѣмъ или другимъ образомъ.

Можетъ быть, принесутъ они и больше, но они имѣютъ право и ничего не приносить тогда какъ прочіе Манифестомъ же обязаны непременно къ повинности въ мѣрѣ опредѣленной и тягостной. И право

сіе дается имъ съ монаршаго престола; однимъ изъ тѣхъ во всенародное извѣстіе объявленныхъ актовъ, коихъ правильность священнѣйшею печатью быть долженствуетъ.

Милосердѣйшій Государь! прости мнѣ. Не могу о Вашемъ дѣлѣ, объ отечествѣ говорить Вамъ не то, что у меня на сердцѣ, не то, что въ мысляхъ у меня.

Многое бы сказала я, за долгъ почель сказать у ногъ Вашихъ, еслибъ имѣлъ счастье быть при Августѣйшемъ лицѣ Вашемъ во время сихъ учрежденій.

Ваше Императорское Величество, конечно, милосердо бы простили и дерзость сыновняго усердія, и погрѣшность, если бы представленія мои, при всей искренности ихъ, неосновательны были. Но опять донесу, что то же бы представилъ и самому немилосердому Государю. Я былъ бы, конечно, жертвою моей преданности къ престолу и отечеству. Но жертвою такою быть столько же для меня пріятно, сколько благоденствовать подъ скипетромъ Александра, негнѣвающагося, конечно, за правду, а любящаго слышать ее.

За особливо нужное еще считаю представить благоусмотрѣнію Вашего Императорскаго Величества для единообразнаго и общаго постановленія по Милиціи, касательно убыли изъ нея людей, которую отъ смерти и уточки естественно предполагать должно.

Ежели числу ихъ быть неперемѣннымъ чрезъ всегдашнее наполненіе изъ тѣхъ же селеній, каковое положеніе кажется мнѣ есть, по крайней мѣрѣ, въ мысли у Милиціоннаго начальства, то сіе было бы не только неудобно; ибо всѣ бы въ селеніяхъ связаны были и мѣщане, но крайне несправедливо и неуравнительно.

Напримѣръ: изъ двухъ селеній разнаго владѣнія, имѣющихъ въ себѣ по 1000 ревизскихъ душъ, изъ каждаго впишется въ Милицію по 70 человекъ, между одними изъ сихъ помрутъ и разбѣжятся въ одинъ годъ половина а между другими въ 4-й доли, что весьма можетъ случится по массѣ селеній. За что же виноваты первыхъ собратья поселянъ?—Наполненіемъ изъ нихъ усугубится отягощеніе, и безвинно, ибо они могутъ быть всѣ столько же невинны въ утечкѣ собратьевъ своихъ, какъ и въ смерти ихъ, Розыскъ тутъ строгій по селеніямъ, особливо въ настоящее время, будетъ всегда притѣсните-

лень, иногда возмутителень, и чаще безуспѣшенъ, возглашать же за утечки оныя отвѣтственность на помѣщиковъ. или начальства сельскія, волостныя и мѣщанскія, было бы творить виноватыхъ.

*

Изъ Тулы, 18-го Генваря 1807.

Вашему Императорскому Величеству всеподданнѣйше доношу, что въ Тульской губерніи все благополучно; и въ прочихъ губерніяхъ, обзорнѣю моему ввѣренныхъ, вообще спокойство и тишина царствуютъ.

Чтобъ видѣть все ближе, былъ я въ разныхъ уѣздахъ; вездѣ одинъ духъ усердія и покорности.

Наилучшимъ образомъ приняты всѣ мѣры къ снаряду, продовольствію и вооруженію земскаго войска. Люди готовы. Встрѣчается только индѣ та неудобность, что по скорости назначенія надобно вписывать и одинокихъ; а изъ семейныхъ въ отлучкахъ для обыкновенныхъ промысловъ, иные скрываются; чего нельзя было и не ожидать.

Нѣкоторыхъ видѣлъ я и весело, охотно записывающихся, видѣлъ даже крестьянъ, очень здраво разсуждающихъ о нуждѣ усилить отечественное ополченіе. Всѣ плаютъ одолѣніемъ неистоваго врага спокойства.

Не внесетъ онъ оружія своего въ нѣдра нашего отечества. По крайней мѣрѣ, не хотѣтъ дожить до того, должно быть лучшимъ чувствомъ русскаго патріота. Едва ли сколько нибудь съ успѣхомъ проникнуть сюда можетъ и адское коварство его къ дѣйствіямъ чрезъ обольщеніе черни.*) Но дай Боже, чтобъ кромѣ такихъ непосредственныхъ и едва ли сбыточныхъ вліяній, сохранились въ ней связи подчиненности. чтобъ въ дворянствѣ и состояніяхъ учащихъ не торжествовало ложное просвѣщеніе, на безвѣріи основанное; и чтобъ, наконецъ не ишоцрялось внутри пагубнѣйшее оружіе отъ злоупотребленій самаго земскаго войска. Не чрезъ мятежи и волненія его, но чтобъ столь природное людямъ властолюбіе его начальства, своевольство чиновниковъ его, на которое при такихъ случаяхъ неизсчетные пути

---

*) Предполагали что неурядитель будетъ дѣйствовать внутри Россіи чрезъ обольщеніе черни своими тайными агентами.

отверзаются, и могущая отъ того послѣдовать распутность толь многочисленной толпы его ратниковъ, не обратилось бы въ оскорбленіе не-носное, и въ тягость возмутительную народу.

Итакъ, Государь! Вѣрность и рвеніе вездѣ общія. Все Вамъ вѣрно. Все любитъ Васъ до восхищенія, но чувство бремени отъ Земскаго войска общее же, какъ доносилъ я откровенно.

Все говоря, счастливѣйшая будетъ та минута, въ которую отмѣнится сіе войско; продолжаютъ думать, что лучше вмѣсто его взять со ста по одному даже по два, въ случаѣ крайности, обыкновенныхъ рекрута, безъ большой только браковки.

Затрудняются до боязни вліяніемъ начальства его, столь тѣсно сплетеннаго съ управленіемъ гражданскимъ и хозяйственнымъ состояніемъ, при толикой степени власти. Полагая, что Ваше Императорское Величество изволили послать сенаторовъ для перевѣсу ея, радуются здѣсь очень моему пріѣзду.

Врученіе областнымъ начальникамъ вдругъ такой власти всѣхъ поразило. Признаюсь, Государь, что и я содрогнулся, когда не предвидя близкой причины, услышалъ такое торжественное разрѣшеніе смертной казни... въ Россіи, гдѣ мечъ ея прежде всѣхъ странъ земныхъ отринуть былъ—разрѣшеніе, отъ руки которой опредѣлено кажется подписывать одну милость и счастье народовъ.

Государь! То время,—что или всё вѣрно, или смертная казнь не удержать. Но когда устрашала она злодѣевъ.

Государь! Пламеннымъ сердцемъ любви къ тебѣ и отечеству—у ногъ твоихъ, руки твои омывая слезами, говорю: будь только всегда Александръ, великій благостью, она все преодолѣтъ.

Откровенно представляю образъ миѣнія народнаго, и свою душу раскрываю предъ Вами Государь.

Руководствуясь одними чувствами безпредѣльной вѣрности подданаго, сына отечества, и 10 лѣтъ имѣющаго честь носить званіе Сенатора, не для имени только.

*

Изъ Тулы 24-го Генваря 1807-го.

Въ трехъ донесеніяхъ моихъ предъ симъ Вашему И. В. со всею откровенностію безпристрастія представилъ я все. На сей разъ важнѣйшаго донести ничего не имѣю.

Приемлю только смѣлость представить Вамъ, Государь, слыша, что начальствомъ здѣшней области предполагается учредить нѣкоторый однорядокъ въ одеждѣ и рядовыхъ милиціи, какъ то: кафтаны покроя крестьянскаго, но по сотнямъ уравненные, особые пояса; на рукавахъ перевязки съ имфрами; шапки одного манера и цвѣта и проч., что, конечно, не иное, какъ плодъ любви къ единообразію устройства, состарившагося въ искусствѣ его генерала Тутолмина.

Но по соображенію мѣстному, гораздо лучше считаю все сіе оставить, если бы можно: ибо оно, хотя въ мелочахъ, но все обязываетъ на повинности, еще новыя, и небезубыточныя, умножаетъ случаи къ излишнимъ притязаніямъ, при злоупотребленіяхъ, ни въ чемъ и нигдѣ неизбѣжныхъ; и, что всего важнѣе, больше утвердить народъ можетъ въ мысляхъ о невременности земскаго войска, и самаго его, или чрезъ сіи же мысли приводить въ уныніе, или особенностью такою, какъ и всякою, болѣе поощрять къ буйству, которое и безъ того весьма трудно будетъ отвращать при вліяніи властей, крайне всегда неудобномъ для нашего народа. Наконецъ, всякое такое установленіе представляется отмѣною даннаго Вашимъ Императорскимъ Величествомъ указа Прав. Сенату, чтобъ людей въ милицію поступать имѣющихъ, одѣвать не иначе, какъ по примѣру обыкновенныхъ наборовъ въ такую же одежду, въ какой прежде они ходили. А потому откровенно донесу, что и служъ объ однорядкѣ ономъ, не съ удовольствіемъ приеѣмлетъ.

Вся же одежда и проч. по точному исполненію повелѣнія Вашего Императорскаго Величества уже всѣми приготовлена; итакъ отмѣна, еще немалымъ всѣхъ убыткомъ затруднить.

Смѣло донося Вамъ, Государь, что знаю и думаю, повергаюсь къ священнымъ стопамъ Вашимъ и цѣлую руку, отъ которой всѣ ожидаютъ побѣдъ и милостей.

Послѣднее оное донесеніе приготовилъ я ввечеру, спѣша въ ту же ночь ѣхать въ Рязань. Ожидалъ только почты, которой надобно

было придти въ тотъ вечеръ, считая что я могу получить какой нибудь отзывъ на мое первое донесеніе.

И подлинно получилъ я Государевъ рескриптъ отъ 16-го Генваря, въ которомъ и милость и гнѣвъ изъяснялись. Начать рескриптъ свидѣтельствомъ благоволенія за усердное исполненіе по манифесту о милиціи. Потомъ Государь сказавъ мнѣ, что „не сокроетъ онъ отъ меня“, что не безъ удивленія нашель онъ въ донесеніи моемъ разсужденія совсѣмъ постороннія „сдѣланному мнѣ препорученію“. Изволилъ описывать причины составленія временнаго ополченія и заключать рескриптъ слѣдующими словами „я увѣренъ впрочемъ, что каковъ бы ни былъ образъ вашихъ мыслей касательно составленія Земскаго Войска, но Вы столько чувствуете долгъ вашъ, что потщитесь исполнить со всею ревностію и усердіемъ возложенную на васъ обязанность.

О полученіи сего донесъ я слѣдующимъ письмомъ.—

„Высочайшій рескриптъ Вашего Императорскаго Величества отъ 16-го Генваря я удостоился получить.

Священнымъ долгомъ считалъ я откровенно доносить Вашему Императорскому Величеству образъ мнѣнія народнаго, а собственныхъ чувствъ моихъ не могъ скрыть отъ Васъ и не скрою никогда.

Тѣмъ же чистосердечіемъ исполнены и всѣ мои донесенія. И несчастнѣйшая минута жизни моей будетъ та, въ которую навлечетъ оно гнѣвъ на меня Государя моего.—Несчастнѣйшая по непредѣльной вѣрности и любви моей къ Нему и Отечеству.

Что касается до ревностнаго и усерднаго исполненія возложенной на меня обязанности, всемилостивѣйшимъ ожиданіемъ чего заключается Высочайшій рескриптъ Вашего Императорскаго Величества, то осмѣлюсь сказать, что въ ревности и усердіи исполнить повѣлѣнія Ваши не уступлю я никому.

Всеподаивнѣйше подношу при семъ доношеніе, которое уже написано было при полученіи рескрипта.“

*

Написавъ сіе донесеніе, запечаталъ я его въ одинъ кувертъ, съ приготовленнымъ прежде отъ того жъ числа; и отдавъ почтмейстеру

для отправления, спокойно сѣлъ въ свою кибитку и поѣхалъ въ Рязань.

Я продолжалъ писать къ Государю съ тою же искренностію и смѣлостію правды, какъ увидать изъ слѣдующихъ донесеній.

Продолженіе выписки изъ донесеній.

Изъ Рязани, 30-го Генваря 1807-го.

Духъ покорности и пламенной любви къ Вамъ, Государь, и отечеству тоже здѣсь одушевленъ, какъ и вездѣ, равно и образъ общаго мнѣнія учрежденіи Земскаго войска такой же, какъ я прежде въ моей вѣрноподданнической откровенности доносилъ Вашему Императорскому Величеству.

Неизобильны пожертванія въ Рязанской губерніи, имѣющей въ себѣ много бѣдныхъ дворянъ и купцовъ, но весьма добровольно и непрерывно приносятся.

Къ правильному назначенію рядовыхъ въ милицію, представляетъ въ нныхъ мѣстахъ здѣшней губерніи нѣкоторое затрудненіе отлучка мѣщанъ и поселянъ въ разные промыслы, какъ то въ извозъ, въ работы, наемъ въ дальнія мѣста и проч., особливо изъ семейныхъ; что должно неизбѣжно иногда обращаться къ отягощенію одинокихъ: есть такіе, кои скрываются или нарочно удаляются, имѣя паспорта, полученные прежде Манифеста о составленіи Земскаго Войска.

Безпокоятся здѣсь также тѣми однорядками о неудобности которыхъ представлялъ я Вашему Императорскому Величеству въ моемъ послѣднемъ донесеніи.

Изъ Калуги, 7-го Февраля 1807-го.

Нельзя пересказать, сколько народъ утѣшенъ всемилостивѣйшимъ дозволеніемъ отъ Вашего Императорскаго Величества отпустить въ дальнѣйшія работы и промыслы *) желательно только, чтобъ образъ исполненія сего установился, и сколько можно удобнѣйшій способъ. Формы и разномысліе, ежели не прихоти исполнителей не стѣсняли нисколько пользу сего, отеческою милостію къ народу на-

*) Тогда вышло повелѣніе отпустить въ работы и промыслы; и до того съ начала изданія Манифеста о Милиціи всѣхъ держали въ домахъ своихъ, къ отягощенію крайнему.

чертаннаго повелѣнія, и чтобъ миличное начальство въ связи своей, при исполненіи ономъ, съ начальствомъ гражданскимъ, руководствовало всегда одними благородными видами частной хозяйской и общей отечества пользы.

Истинно, Государь! всякое облегченіе повинности Земскаго войска, неизобразимою благодарностію возносить къ престолу Вашего Императорскаго Величества сердца вѣрноподданныхъ, пылающія любовію къ вамъ и усердіемъ безпредѣльнымъ.

Въ глубинѣ толикихъ чувствованій повергается къ Вашимъ священнымъ стопамъ и проч.

*

Изъ Калуги, 13-го Февраля 1807-го.

Сердцемъ, которое горитъ желаніемъ, чтобъ все покорялось російскому скипетру, и чтобъ Ваша рука управляла имъ до позднѣйшей возможности жизни человѣческой, цѣлую благотворную руку сію, приношу Вашему Императорскому Величеству всеподданнѣйшее мое поздравленіе съ новою надъ врагами Отечества знаменитою побѣдою¹⁾ которую торжествовали здѣсь при восторгахъ, свойственныхъ чувствамъ любви и усердія Вашего народа къ Государю и отечеству.

Отъ 7-го числа сего мѣсяца доносилъ я Вашему Императорскому Величеству, что въ Калужской губерніи Земское Войско готово, и все къ составленію его сдѣлано наилучшими мѣрами.

Нынѣ же какъ о существеннѣйшемъ донесу, что съ восхитительною радостію принявъ всемилостивѣйшее постановленіе Вашего Величества, опредѣляющее лѣта вступающихъ въ оное войско, отъ 17-ти до 50-ти лѣтъ²⁾ и повелѣвается на убыль изъ него мѣста рядовыхъ другихъ не требовать.

Послѣднее тѣмъ паче обрадовало, что въ инструкціи о должности чиновниковъ земскаго войска отъ здѣшняго областного начальства составленной, къ неопisanному затрудненію и отягощенію всѣхъ состояній, предписано уже было оное наполненіе, и изъ самыхъ тѣхъ же участковъ, изъ коихъ случится убыль³⁾.

¹⁾ При Прейсшъ-Эйлау.

²⁾ Сіи лѣта назначены были съ отмѣною прежняго, сходно съ моимъ представленіемъ отъ 11-го Января, въ коемъ представлялъ я противъ онаго наполненія.

³⁾ Инструкцію, въ коей сіе предписано было, уже нигдѣ послѣ не отыскивали.

Вездѣ готовы люди, одѣты, снабжены и по возможности вооружены, во всей точности сходно съ Манифестомъ о учрежденіи милиціи и данными о томъ указами Вашего Императорскаго Величества, но отъ начальства ея требованія новыя, касательно образа одѣжды, рода и количества оружія и проч. производить во всѣхъ губерніяхъ затрудненіе тѣмъ состояніемъ, кои обязываются исполненіемъ онаго.

При семъ по откровенности безпредѣльнаго усердія моего, не могу я, государь, удержаться отъ вѣрноподданническаго дерзновенія сказать: что, хотя Вашему Императорскому Величеству благоугодно было облечь главнокомандующихъ областнымъ Земскимъ Войскомъ такою властію, чтобъ во всѣхъ случаяхъ, до устройства областного войска относящихся, предписанія ихъ принимаемы были какъ собственныя Ваши повелѣнія; но сіе конечно не о томъ, что было бы въ отмѣну оныхъ: какъ и самый Прав. Сенатъ, коего указамъ монаршею довѣренностію издавна присвоена сія сила, не можетъ, конечно, дѣлать такихъ отмѣняющихъ предписаній.

По возложенной на меня обязанности представлять Вашему Императорскому Величеству образъ общаго мнѣнія о настоящемъ случаѣ внутренняго вооруженія, долженъ я донести, что власть оная, или лучше сказать, возможность ея дѣлать устраняющіяся отъ точности, извѣстной и всенародно объявленной воли Вашей, предписанія такія, и по такимъ предметамъ, о коихъ положенія должны и могутъ быть и не на мѣстѣ предвидѣны и вездѣ однообразны, по крайней мѣрѣ, приводитъ въ недоумѣніе все земскія вѣдомства и больше разливаетъ стѣсненіе въ сердца.

Еще долгомъ считаю донести, что на представленіе вѣрноподданническаго усердія моего о неудобности назначать дни для сбора ученія Милиціи, изъ дней подъ наименованіемъ *рабочныхъ* для помѣщика. Вашему Императорскому Величеству благоугодно было въ своемъ Высочайшемъ ко мнѣ рескриптѣ изобразить, что оное „хотя упомянуто въ данной грамотѣ Г. г. Главнок. областными войсками, но сіе сказано собственно для нихъ“. Однако въ помянутой же инструкціи*) отъ здѣшняго начальства сего войска, которая по существу своему конечно всемъ извѣстна быть должна, именно назначаются два дня въ недѣлѣ изъ рабочихъ на помѣщиковъ. () семъ

*) Сія то инструкція тотчасъ исчезла.

всеподданнѣйше доношу Вашему Императорскому Величеству по тѣмъ же причинамъ, по которымъ и первое мое представление осмѣлился сдѣлать.

*

Изъ Владиміра, 1-го Марта 1807-го

Въ Губерніяхъ: Тульской, Калужской, Рязанской и Владимірской спокойно все и благотишно.

Въ послѣднюю пріѣхавъ здѣшняю, обозрю и извѣдаю на мѣстѣ все повелѣнное Вашимъ Императорскимъ Величествомъ.

Проѣзжая я видѣлъ у городскихъ и сельскихъ жителей неопи-санную радость о тѣхъ облегченіяхъ по Милиціи, которые Ваше Величество Всемиловитѣйше сдѣлать изволили: *Дай Богъ здоровья Государю*, говорятъ простосердечно поселяне, прибавляя: *когда совсѣмъ отмѣнится?*

Убѣждая ихъ въ томъ, что крайняя была надобность въ такомъ вооруженіи, увѣряю, что оно весьма временное, и что, конечно, отмѣнится, какъ скоро только можно будетъ. *Дай то Богъ, дай то Богъ*, отвѣчаютъ съ такимъ чувствомъ оживительной надежды, котораго истинно безъ слезъ почти видѣть нельзя,

Всемиловитѣйшіи Государь! я думаю, что у монарха мудраго и добродѣтельнаго, у истиннаго отца Отечества, вѣрноподданническая любовь и усердіе больше должны давать право на смѣлость представленій и приближать къ престолу, нежели одинъ порядокъ чиновъ и царедворскихъ должностей. И такъ въ моей предъ Вами откровенности, которую всегда считаю я для себя священнымъ долгомъ, осмѣлюсь сказать, что въ самомъ, благодѣтельномъ Царствованіи Вашего Императорскаго Величества, благодѣтельнѣйшій будетъ тотъ день, въ который отмѣнится Земское Войско.

И 4-я часть его, обыкновеннымъ образомъ равно со всего Государства собраннаго и воински устроеннаго, конечно, будетъ ополченіе гораздо дѣйствительнѣйшее а для народу легчайшее: ибо совершенно общій образъ мнѣнія непрерывно есть тотъ, что лучше по одному даже по два рекрута со ста. И отдѣленіе уже людей отъ настоящихъ званій въ прямое военное, столько же было бы полезнѣе къ удобнѣйшему устройству и нужно строгому управленію единоначальствомъ во-

инской власти, сколько нынѣшнее сліяніе властей представляетъ неудобства; а развлекательное положеніе въ состояніяхъ и земледѣльца или промышленника и купно ратника, можетъ лишать ихъ способностей и къ тому и къ другому, питая между тѣмъ духъ буйства и своеволія.

Впрочемъ, въ чрезвычайныхъ случаяхъ, до чрезвычайнаго числа умноженное войско, можетъ со временемъ по разсмотрѣнію быть уменьшаемо и изъ всякаго рода организациі возвращаемо въ мирныя хозяйственныя состоянія.

Примите, Государь, великодушно мои представленія; простите милосердно, если они неосновательны, но они всегда происходятъ единственно отъ такихъ чувствъ, по которымъ я имѣю счастье быть до гроба

вѣрнѣйшимъ подданнымъ.

*

Изъ Владиміра, 8-го Марта 1807-го.

Вашему Императорскому Величеству доношу, что общая тишина и спокойствіе непрерывны въ здѣшней Владимірской и въ прочихъ обзорѣнію моему вѣренныхъ губерніяхъ, изъ коихъ ежедневно получаю извѣстія.

Все касающееся до составленія Земскаго Войска, со стороны гражданскаго начальства, при ревностномъ подвигѣ всѣхъ сословій Владимірской губерніи весьма хорошо устроено.

Духъ любви и усердія къ Вамъ и Отечеству безпредѣленъ здѣсь, какъ и во всей державѣ Вашего Императорскаго Величества, равно и образъ общаго мнѣнія о вооруженіи земскомъ, точно здѣсь такой же какъ по возложенному на меня долгу въ откровенности доносилъ я изъ прочихъ губерній.

Найтцательнѣйше внушаю я о временности онаго войска и о пребываніи рядовыхъ его въ нерушимости связей и повиновенія по ихъ кореннымъ состояніямъ. Сіе тѣмъ паче считаю нужнымъ, что уже появляется, какъ и естественно, хотя изрѣдка, и въ неважномъ еще видѣ, расположеніе къ своевольству отъ несмысленныхъ заключеній, что уже подъ особымъ живутъ начальствомъ; и плодъ заблужденія сего доселѣ невящій, какъ въ нѣкоторыхъ развратное и дома истоца-

юще пьянство, уклонность отъ хозяйственныхъ упражненій, малыя слушанія, что все можетъ еще униматься не самыми строгими, только неопустительными средствами, которыя и подтверждаю я бдительно употреблять въ самыхъ коренныхъ состояніяхъ оныхъ оруженосцевъ, т. е. въ земскомъ вѣдомствѣ и въ кругѣ волостныхъ и помѣщичьихъ властей, дабы исправляемые, купно съ исправленіемъ, больше убѣждались и въ томъ, — что не выведены они изъ подчиненія властямъ онымъ.

*

Изъ Москвы, 18-го Марта 1807-го.

Узнавъ здѣсь о полезномъ преобразованіи Земскаго Войска съ столь знатнымъ его убавленіемъ, благословилъ я, и, конечно съ миліонами, любезнѣйшее Отечеству Имя Ваше; духомъ неизобразимой радости поцѣловавъ Вашу руку, коей Скипетръ вручило Милосердіе небесъ къ человѣчеству. Да! едва ли была когда въ Россіи радость общая и столь чувствительная всѣмъ въ ней состояніямъ, какъ та, которая разольется онымъ спасительнымъ преобразованіемъ.

Не могъ я не начать симъ, Государь, отъ безпредѣльнаго удовольствія истинно вѣрноподданической любви къ Вашему Императорскому Велпчеству и пламеннаго усердія къ благу общему.

Высочайше мнѣ повелѣнное исполнилъ я во всѣхъ 4-хъ Губерніяхъ, кои обозрѣнію моему ввѣрены были.

Во всѣхъ все, относящееся къ внутреннему ополченію, учреждено и производится съ рвеніемъ, отличающимъ Вашихъ подданныхъ.

Пожертванія вездѣ продолжаются въ губерніяхъ: Тульской, Калужской, Владимірской и Рязанской, которыя, конечно, по справедливости удостоены будутъ всемилостивѣйшаго означенія Высокоимонаршаго благоволенія Вашего Императорскаго Величества.

Исполнивъ все повелѣнное мнѣ, возвратился я къ своему мѣсту, какъ, предписано въ Высочайшемъ рекриптѣ Вашего Императорскаго Величества.

Смѣю надѣяться, что образъ исполненія моего угоденъ отеческой любви Вашей къ подданнымъ, великой душѣ и мудрой прозорливо-

сти Вашего Величества, ибо я руководствовался единственно не описаннымъ усердіемъ къ истинной славі Вашей и къ твердому благу Отечества.

Откровенность и вѣщаніе правды безъ всякихъ отгѣнокъ предъ Монаршимъ Престоломъ есть всегда для меня долгъ священный, неизгладимо впечатлѣвшійся въ сердце, совершенно преданномъ служенію Вамъ и Отечеству; а въ дѣлѣ толико общественномъ, и столь нѣжно касающемся неколебимости благосостоянія Государственнаго, какъ есть настоящее вооруженіе внутреннее, и малое отступленіе отъ онаго првила моего было бы, по мнѣнію моему, сущее предательство.

Книга девятая.

Преобразование Земскаго войска, о которомъ я писалъ въ послѣднемъ моемъ донесеніи, подлинно обрадовало всѣхъ и облегчило не сказано; и оно было сдѣлано точно такимъ образомъ, о которомъ я имѣлъ смѣлость усердія представить Государю отъ 1-го Марта изъ Владиміра, только что не 4-я, а 3-я часть его оставлена была.

Скоро послѣ того и совсѣмъ перестало существовать оное войско; и возвратилось въ свои прежнія состоянія кромѣ тѣхъ, коихъ помѣщики или общества мѣщанъ и поселянъ казенныхъ, пожелали оставить на службѣ для зачета въ рекруты.

Миръ и съ сохраненіемъ чести Россійской державы въ Тильзитѣ заключенный, все успокоилъ. Онъ весьма желателенъ былъ и полезенъ. Одинъ только неизбѣжный при томъ разрывъ съ Англіею много навлекъ неудобствъ разнаго рода.

Хотя я очень мало свѣдущъ въ дѣлахъ иностранныхъ и коммерческихъ; однако при семъ могу, кажется, не безъ основанія, осмѣлиться сказать, что главное искусство Россійской политики должно состоять въ томъ, чтобъ сколько можно, не только меньше зависѣть отъ Европы; но и меньше связей съ нею имѣть, какъ политическими сношеніями, такъ и нравственными.

Подъ именемъ послѣднихъ разумѣю я обычай, который какъ заразительная гнилость, снѣдаетъ древнее здравіе душъ и тѣлъ российскихъ.

Хорошо бы имѣть военныя силы, съ удержаніемъ всегда неустрашимаго духа и нравовъ Русскихъ, во внутренности ополченія устроеннаго по тактикѣ Тюренновъ и Фридриховъ для отраженія только непріятелей отъ предѣловъ Россійской Имперіи, слишкомъ обширной: и при нужномъ знаніи иностранныхъ языковъ, при упражненіяхъ въ изящныхъ и полезныхъ наукахъ и художествахъ, не стыдиться многихъ своихъ старинныхъ обычаевъ.

Покрой платья, цвѣтъ и доброта того, изъ чего оно шьется, не просвѣщаютъ, а покоряютъ частныхъ людей самой малодушной зависимости. цѣлое же Государство непримѣтно подвергаютъ очень большой, къ ихъ ослабленію: обѣдать не въ полдни, а въ 6-мъ часу пополудни и ужинать въ 3-мъ за полночь, конечно не есть ни умнѣе, ни великодушнѣе; а что тѣлу оно изнурительно и головѣ тяжело, то естественно.

Я думаю, что не меньше полезно отучить отъ того, чтобъ не считали необходимымъ употреблять сахаръ и кофе, всякій почти день, или, по крайней мѣрѣ, всякой выѣздъ женщинамъ быть въ новомъ платьѣ и тому подобное. нежели завоевать нѣсколько провинцій.... и не меньше трудно.

Истинный Патріотизмъ состоитъ въ томъ, чтобъ желать Отечеству истиннаго добра и содѣйствовать тому всѣми силами,—желать, чтобъ не на Французовъ или Англичанъ походили Русскіе; а были бы столько счастливы, сколько они быть могутъ.

Что такое любить отечество?—Имѣть къ нему тѣ точно чувства любви, какія имѣютъ къ милой родинѣ своей—любить его подлинно, какъ добрыя дѣти любятъ своего отца. Будутъ ли они радоваться, видя, что отецъ ихъ въ красныхъ нарядахъ и обширными владѣн дачами, таеги и чахнетъ?—Не будутъ ли лучше желать и стараться, чтобъ онъ выздоровѣлъ, когда еще можно.

Такъ, конечно, самыя суетныя привычки—самыя мелкія связи обычаевъ обращаются въ тяжкія оковы.

Не имѣли бы мы безъ привычки такой надобности въ сахарѣ, кофе, сукнахъ тонкихъ и прочемъ подобномъ:—и разрывъ бы съ Англіею въ Государствѣ едва извѣстенъ былъ.

Азіатцы, начиная отъ Пекина до Цареграда, могли бы думая, искреннѣйшими быть съ нами союзниками. Немного обезпокоять они и своею невѣрностію въ союзахъ. Всякая наша пушка у нихъ въ особомъ почтеніи. А размноженіе съ ними торговли, думая, весьма бы быть могло полезно съ большею удобностію сохранять въ ней всегда перевѣсъ. въ разсужденіи того, что меньше всегда причиняъ уважать ихъ и опасаться.

Сколько одной пшеницы выкупать можно съ турецкой стороны, при полезномъ переселеніи на нее пахарей изъ мѣстъ малоземельныхъ, и при усовершенствованіи земледѣлія—сего источника обилія и силы государствъ.

Истинное богатство ихъ должно состоять не въ множествѣ монеты, а въ малой надобности въ деньгахъ. Государство, какъ и человекъ частной, чѣмъ меньше имѣетъ надобности, тѣмъ меньше въ нихъ зависимости отъ другихъ. тѣмъ больше въ себѣ господства и силы.

Я думая, что составившаяся у насъ надобность Европейской торговли, въ такой пространной мѣрѣ, причиною, что хитрость иностранныхъ торговцевъ, пока не сбавятъ гораздо въ нихъ нужды, никогда не допустить и купечество наше быть столько богатымъ. сколько оно должно и можетъ быть.

Хитрость сія въ змѣиномъ пронырствѣ своемъ неутомима. Если не можно сверху, то вползаетъ она снизу и трудно изъ флеровыхъ ся сѣтокъ выпутываться безъ старинной русской простоты и безсребренничества.

Отступленіе отъ сихъ законовъ есть поколебаніе права, которое можетъ отнестись къ общему подрыву дворянскаго состоянія и коренными законами утвержденнаго преимущества его: и равно и къ неустройству общественному, возбужденіемъ безчисленныхъ тяжбъ между крѣпостныхъ людей и помѣщиковъ, спокойно полагаясь на законныя учрежденія и самымъ временемъ укрѣпленные владѣющіихъ не ограниченнымъ множествомъ подобныхъ, неосновательно вольности искать могущихъ людей.

Такимъ образомъ изъяснился я о семъ еще въ общемъ собраніи Сената Московскихъ Департаментовъ. И кромѣ нарушенія законовъ и описанныхъ мною слѣдствій, отъ лишенія помѣщиковъ и селеній

людей оныхъ, теряется еще истинная польза, которую приносятъ они Государству умноженіемъ самаго полезнаго въ немъ состоянія земледѣльства, которое есть при томъ самый надежный запасъ воиновъ. Откуда, какъ не изъ за сохи брали побѣдителей Карла XII и Фридриха XI-го?

Споры мои въ Сенатѣ нѣсколько умножились въ концѣ 1807-го г. отъ того, что я мѣсяца два не могъ ѣздить въ присутствіе за болѣзнью въ лѣвой рукѣ, которую зашибъ я, упавши, больно. Однако дома читалъ я изъ дѣлъ записки и опредѣленія подписывалъ. Послѣднія приносили уже ко мнѣ обыкновенно подписанныя товарищами: и когда я находилъ резолюціи несогласныя съ моимъ о дѣлѣ понятіемъ, то привужденъ былъ давать противный голосъ.

Товарищи особливо не любили со мною соглашаться: неужели, говорили, одинъ всѣхъ умнѣе? Сильнѣе этого резона не слышно было. Неужели, говаривалъ я имъ также въ пріятельской шуткѣ, одинъ Генераль-Прокуроръ, или Оберъ-Прокуроръ всегда всѣхъ умнѣе, а вы съ нимъ соглашаетесь?—Иногда отвѣчали: ихъ это должность... какъ будто нѣтъ каждаго Сенатора должности объявлять свое мнѣніе и въ немъ по справедливости настаивать.

Расположеніе не согласиться со мною отмѣнно оказалось при одномъ дѣлѣ. Приходить въ 8 Департаментъ жалоба отъ нѣкотораго крестьянина на господина и госпожу свою. Дается резолюція: возвратитъ жалобу просителю, какъ не принадлежащую до сего Департамента. Приносить ко мнѣ подписать о томъ опредѣленіе, уже подписанное моими товарищами. Я разсудилъ, что просьбу оную возвращать какъ только не принадлежащую до Департамента, есть то же, что заставлять просителя подавать ее въ другой, гдѣ она по приличности будто принята быть можетъ.—А по законамъ и весьма съ общетишиною и благоустройствомъ соображеннымъ, отъ крѣпостныхъ людей на своихъ помѣщикахъ не велѣно принимать никакихъ жалобъ и доносовъ, кромѣ какъ—по первымъ двумъ пунктамъ.

За весьма нужное почитая всегда уважать все то, что соблюдаетъ связь подчиненности помѣщикамъ, которой всякое ослабленіе ужасныя производило послѣдствія; въ исполненіе сказанныхъ законовъ, думалъ я, что должно просьбу оную передать въ 6-й уголовный Департаментъ, для уваженія и поступленія по онымъ. Но имѣя въ виду удовлетвореніе имъ и пользу истинную, а не то, чтобъ только заспорить, или

поставить на своемъ, чѣмъ, право, я даже гнушаюсь; и зная сколько товарищи мои не любятъ со мною соглашаться, не подавалъ я голоса, а прежде приватно писалъ къ Оберъ-Прокурору и долго старался, чтобъ перемѣнили резолюцію безъ моего участія, при подписаніи въ присутствіи опредѣленія, которое однимъ или двумя еще кромѣ меня подписано не было. Однако и тутъ, т. е. чтобъ передать бумагу въ другой Департаментъ,—неужели одинъ всѣхъ умнѣе?—подѣйствовало. Не согласились. Я принужденъ былъ подать голосъ, съ которымъ согласился одинъ изъ товарищей, не присутствовавшей при слушаніи сего дѣла и неподписавшей еще опредѣленія. Дѣло пошло въ общее собраніе, а мятежничество крестьянина, ожидавшаго отъ Сената рѣшенія, между тѣмъ питалось.

Когда вступило оно въ общее собраніе, то я на запискѣ было написалъ что какъ уже дѣло въ общемъ Собраніи, то въ скорѣйшее укрощеніе буйства, не передавая въ 6-й Департаментъ прямо написать Губернскому начальству о поступленіи по Законамъ. Но согласившемуся со мною товарищу показалось это почему то не удобнымъ; ты меня завелъ, говорилъ онъ, въ свое мнѣніе, а теперь отступаемъ,—хотя по моему понятію и не было это отступленіе; однако, въ удовольствіе моему товарищу я вычернилъ написанное мною и подписалъ только, что остаюсь при своемъ голосѣ. Такъ я доказалъ еще, что нѣтъ во мнѣ упрямства, которое многіе, право, напрасно во мнѣ полагаютъ.

Не отступалъ я, правда, въ общемъ собраніи никогда отъ своего мнѣнія, и не соглашался въ отиѣну его ни съ однимъ Генераль-Прокуроромъ; только это отнюдь не изъ упрямства, или тщеславія, а подлинно думая, что мое мнѣніе справедливо. Кажется, и нельзя иначе думать послѣ столькихъ переходовъ дѣла, ежели, разсудивъ объ немъ какъ должно. даешь свое мнѣніе. Едва ли перемѣнялъ я. помнится, резолюцію свою и въ Департаментъ Уголовномъ, потому, что дѣла его мнѣ твердо знакомы, и что производя ихъ съ тѣмъ вниманіемъ, какое требуется ихъ важностію, рѣдко, крайне рѣдко развѣ случится можетъ справедливая надобность перемѣнить резолюцію.

При слушаніи въ общемъ Собраніи дѣла по оной крестьянской жалобѣ. всѣ однако согласились съ моимъ мнѣніемъ; остались только тѣ при резолюціи 8-го Департамента, которые въ немъ ее давали.

Но про все это знаютъ большіе, а мнѣ пора оканчивать свои записки.

Кромѣ того рескрипта отъ 16-го Января 1807-го года, который вписалъ я здѣсь въ своемъ мѣстѣ, не получилъ я никакого отзыва на всѣ мои донесенія Государю при обзорѣннн губерній во время составленія Земскаго войска, и ни одного отношенія по сему важному порученію ко мнѣ не было, послѣ перваго особеннаго отъ Государя наставленія, коимъ оно на меня было возложено.

При всѣхъ разсыпанныхъ, какъ извѣстно, наградахъ за эту милицію, сенаторы, товарищи мои въ томъ дѣлѣ, ничего не получили; по крайней мѣрѣ, двоимъ изъ московскихъ департаментовъ, знаю я, что благоволенія сказано не было. Думали, что не я ли тому былъ причиною; ибо исключить меня, конечно, по справедливости было не можно.

А что Государь имѣлъ на меня неудовольствіе, то весьма открыто мнѣ было изъ самаго рескрипта его. Впрочемъ не хочу я повѣрить, чтобъ онъ сколько нибудь прогнѣвался за то, что я представлялъ правду; но онъ вѣроятно, находилъ, что не мнѣ въ семъ случаѣ принадлежало дѣлать такіа представленія.

Я однако по совѣсти считалъ за долгъ дѣлать ихъ при тѣхъ важныхъ обстоятельствахъ, какія тогда были и какія едва вѣками бывають. Зная неудовольствіе на меня Государево, не беспокоился я ни одной минуты, по тѣмъ причинамъ, о которыхъ довольно изъяснено мною въ самыхъ донесеніяхъ, навлекшихъ отъ него оно на меня неудовольствіе.

Время и скоро оправдало, конечно, въ очахъ его всѣ мои представленія и онъ въ томъ же году ознаменовалъ ко мнѣ милость свою и при томъ характеръ свой прямо царской. Сія черта истинно означаетъ величіе души его и любовь къ правдѣ. Наградить за пріятное естественно очень; но послѣ гнѣва, который, также и напрасный, естествененъ въ кругѣ смертныхъ всѣмъ,—никого не исключая, воспользоваться, такъ сказать, первымъ случаемъ къ награжденію знатнымъ отличіемъ того, на кого простирался гнѣвъ оной—есть дѣйство благотворительности великодушной, предпочитающей справедливое пріятному.

12-го Декабря 1807-го года Государь пожаловалъ нѣсколькихъ тайныхъ совѣтниковъ по старшинству въ дѣйствительные тайные совѣтники: въ числѣ ихъ я пожалованъ былъ послѣдній. Иные изъ нихъ,

я знаю, что очень того желали и давно искали, а мнѣ и на мысль не приходило, тогда особливо, получить этотъ чинъ. И вотъ какимъ образомъ я пожалованъ, какъ слышалъ я отъ довольно вѣрныхъ людей.

Государь приказалъ подать списокъ тайныхъ совѣтниковъ, пожалованныхъ въ 1796-мъ году. Повѣряя списки самъ по печатному, издаваемому герольдіею, увидѣлъ мое имя, первое подъ послѣднимъ изъ поданныхъ ему въ списокъ. „Чтожъ его тутъ не помѣтили?“ спросилъ Государь. Онъ произведенъ въ 1797-мъ году, отвѣтствовали Его Величеству, „Однако жъ въ началѣ,—отвѣчалъ Государь,—итагъ, это мало разности,“—и самъ изволилъ приписать мое имя. Но хотя бы это и не такъ происходило; все однако жъ пожалованіе меня послѣдняго, несомнительно означаетъ особое благоволеніе. Не можно, конечно, при производствѣ обойти безобидно; и потому случается, что для того, чтобы пожаловать одного, жалуютъ, не желая, нѣсколькихъ, кои его старѣе; но послѣдній безъ всякаго вида несправедливости, при производствѣ оставленъ быть можетъ, и пожалованіе его уже непремѣнно значить вниманіе.

Я благодарилъ за чинъ Государя письмомъ, въ которомъ осмѣлился дать нѣсколько примѣтить, что я чувствую и при семъ случаѣ все величіе души его въ любленіи правды. Государь на первой почтѣ удостоилъ меня отвѣтомъ, въ которомъ изволилъ мнѣ сказать, что ему пріятно было въ письмѣ моемъ видѣть изъявленіе извѣстныхъ ему моихъ чувствованій и проч.¹⁾

Нѣкоторые изъ ближайшихъ тогда къ Государю оказали себя въ разсужденіи меня со всѣмъ неподражающими его добродѣтелямъ. Они по сіе время злобятся на меня за образъ мыслей моихъ о Милиціи, въ планѣ коей они наиболѣе участвовали, и не постыдились въ пристрастіи и злобѣ своей обличить себя дачею такого голоса по дѣлу о долгахъ моихъ въ общемъ собраніи первыхъ 3-хъ Департаментовъ, въ которомъ отступили они отъ всякой справедливости и законовъ.²⁾

---

1) Подтвержденіе онаго Монаршаго благоволенія ко мнѣ, имѣлъ я счастье видѣть въ Государевъ пріѣздъ въ Москву въ первыхъ числахъ Декабря 1809-го года, въ который, при отлично милостивомъ обхожденіи со мною, изволилъ онъ пожаловать меня кавалеромъ Орд. Святаго Александра Невскаго.

2) Голосъ сей, съ пособіемъ малодушнаго угодничества, холодности къ правосудію и незнанія, былъ причиною наконецъ самаго несправедливаго и разорительнаго для меня рѣшенія онаго дѣла.

По возвращеніи моемъ въ Москву изъ губерній, бывшихъ подъ моимъ надзираемъ по случаю составленія земскаго войска, продолжая присутствовать въ 8-мъ Департаментъ, знакомился я съ аппелляціонными въ немъ дѣлами, кои прежде никогда почти въ рукахъ моихъ не бывали; продолжалъ я также и обычай мой несоглашаться на то, что несправедливымъ мнѣ кажется. Могу сказать, что я не выше неправды; но правда мнѣ такъ выше, что я не смѣю и заикнуться противъ нея.

Въ ономъ Департаментъ споры мои большею частію были по дѣламъ ищущимъ вольности отъ помѣщиковъ. Вдругъ приняли себѣ за правило всячески натягивать въ пользу таковыхъ ищущихъ, и это не по сердечному расположенію и не по законной справедливости, а для того, что угождать думаютъ тѣмъ Государю. Я никогда не соглашался удовлетворить просьбамъ такихъ ищущихъ вольности, безъ совершеннаго по законамъ ихъ на то права.

Государю, конечно, угодно, чтобъ не оставались крѣпостными тѣ, кои подлинно ими быть не должны; но освобождать изъ крѣпостей подборомъ подъ законы, есть разрушеніе силы ихъ во вредъ общій— и кромѣ сего какой же плодъ такихъ рѣшеній?—Нѣсколько десятковъ или сотенъ не будетъ подъ властію помѣщиковъ, съ тѣмъ, что большая изъ нихъ можетъ быть часть сопьются, или голодные и нагіе скитаться будутъ по улицамъ и по дорогамъ.

Наконецъ М. Ю. предложилъ, что не имѣетъ мѣста по такимъ дѣламъ и законъ о десятилѣтней давности уничтожающій всякіе иски; и всѣ Департаменты сіе приняли, но я не согласился и не согласусь прежде, нежели будетъ на то указъ Государевъ, который одинъ можетъ перемѣнять законы.—Они должны исполняться по точнымъ ихъ словамъ; а въ толкахъ о разумѣ ихъ, могутъ быть разногласіе и ошибки у всѣхъ Сенаторовъ и Министровъ.

Ежели въ оныхъ дѣлахъ не принимать закона о десятилѣтней давности, который нынѣ одинъ ограничиваетъ время исковъ, то натурально никакого времени уважать не должно; а за сто за двѣсти, за триста лѣтъ, и для чего не больше, когда такъ, кто жъ найдутся крѣпостными?—И такъ возволнуемъ только людей самымъ малымъ числомъ такихъ рѣшеній; а многихъ сдѣлать, общая польза, конечно, недопуститъ. Цѣлыя селенія и многія тысячи душъ станутъ производить иски вольности. Начнется дѣло перьями стряпчихъ, питающихся

ябедою и покушеніемъ на нее; а кончится пушками, или по крайней мѣрѣ кнутьями и ссылками—ежели не висѣлицами, что также бывало.

И въ семь случаевъ имѣю я предметомъ только общественную пользу; собственность моя нисколько тутъ не вмѣшивается, и не можетъ вмѣшиваться, какъ я очень изъяснилъ въ первомъ письмѣ моемъ по милиціи къ Государю изъ Тулы отъ 4-го Января 1807-го года.

Еще скажу что первый. можетъ быть, желаю, чтобъ не было на Русской землѣ ни одного несвободнаго человѣка, если бъ только то безъ вреда для нея возможно было. Народъ требуетъ обузданія и для собственной его пользы;—для сохраненія же общаго благоустройства нѣтъ надежнѣе полиціи, какъ управленіе помѣщиковъ. Тираны изъ нихъ должны быть обузданы; но сіе должно быть такъ расположено, чтобъ начальники губерній, при обузданіи тиранства, столько же бы страшились наказанія за малѣйшее при томъ излишество, или пристрастіе, и столько жъ бы увѣрены были не избѣжать того наказанія, сколько тираны за тиранство.

И еще скажу, что по сіе время въ Россіи ослабленіе связей подчиненности помѣщикамъ опаснѣе нашествія непріятельскаго. Свойственно мягкосердію жалѣтъ и о томъ, когда не совсѣмъ еще отъ болѣзней оправившіеся, могутъ только прогуливаться въ больничномъ саду, и пить и ѣсть только то, что имъ велятъ лѣкари: свойственно добродушному сердцу желать, чтобъ они, какъ можно скорѣе воспользовались полною во всемъ свободою; но дать ее имъ прежде времени, было бы ихъ же уморить.

У насъ въ рѣшеніяхъ принято оное правило всегда рѣшить въ пользу отбывающихъ отъ помѣщиковъ, отнюдь не изъ состраданія къ нимъ и даже совершенно противъ своего желанія;—но потому только ошибочному понятію объ угодномъ, какъ я выше сказалъ, и чтобъ не спорить съ министромъ юстиціи.

На его предложеніе о томъ, что на дѣла сего рода десятилѣтняя давность не простирается, я не согласясь, записалъ въ общемъ собраніи Московскихъ Департаментовъ слѣдующій отзывъ: „Если не простираетъ на подобныя дѣла десятилѣтней давности и никакимъ временемъ не ограничивать права ищущихъ вольности; то можетъ въ общій подрывъ состоянія дворянскаго и коренными законами утвержденнаго пре-

имущества его, неограниченное множество крѣпостныхъ людей отойти отъ своихъ помѣщиковъ.—А при семъ сколько можетъ открыться путей и способовъ къ поползновенію людей, злонамѣреніемъ или невѣжествомъ водимыхъ, смущать простодушіе часто противъ истинной пользы своей желающихъ оной свободы; и сколько можетъ возникнуть тяжбъ, расслабляющихъ неописанно-полезныя для общественнаго покоя и благоустройства связи подчиненности!—20 Марта 1808.“

Иные изъ товарищей моихъ хвалили мой патриотизмъ—и всѣ согласились съ Министромъ.

Особливо настаивалъ я по дѣламъ подобнаго рода, чтобъ не лишать селенія солдатками безъ мужей прижитыхъ дѣтей и въ оныхъ воспитанныхъ.—Законы очень справедливо укрѣпляютъ ихъ за помѣщиками; а въ селеніяхъ по воспитанію оставляютъ.

Скоро дѣло о крестьянинѣ возвратилось изъ консультаціи.—Предложеніе по оному М. Ю. довольно пространно. Заключение же его состоитъ въ томъ, что сіе дѣло и принадлежитъ до 6-го Департамента; но теперь уже отослать ту жалобу прямо изъ общаго Собранія къ начальнику Губерніи съ тѣмъ, чтобъ онъ велѣлъ, кому надлежитъ по той просьбѣ изслѣдовать, и по изслѣдованіи дать сему дѣлу законное теченіе.—При томъ Министръ говоритъ, что ежели жалоба крестьянина окажется справедливою, то докажетъ недобронравіе и безчиніе (сирѣчь помѣщика) и проч., ежели, напротивъ того, жалоба та будетъ найдена несправедливою, то докажетъ возмутительность крестьянина и проч.

Всѣ по обычаю согласились съ предложеніемъ Министра, а я написалъ слѣдующій отзывъ: „Имѣя предметомъ единственно скорѣйшее укрощеніе буйства и соблюденіе общаго порядка силою законовъ, соглашаюсь я съ предложеніемъ Его Свѣтлости въ непосредственной отсылкѣ просьбы крестьянина къ начальнику Губерніи, но только съ тѣмъ, чтобъ было просто предписано о поступленіи въ семъ случаѣ по законамъ, нисколько въ предписаніи семъ не подавая поводу къ разбору между помѣщиками и крестьянами. 29-го Генваря 1809-го года.“

Въ Прошломъ 1808-мъ году прибыли по Сенату происшествія, особливо замѣчанія достойныя.

1-е, Объявлено отъ Государя Императора неудовольствіе за разногласіе по многимъ дѣламъ въ 7-мъ и 8-мъ Департаментахъ: 2-е

для скорѣйшаго окончанія въ Московскомъ общемъ собраніи накопившихся дѣлъ, велѣно оному присутствовать и послѣ обѣда по средамъ. 3-е—въ 7-мъ и 8-мъ Департаментахъ докладывать по 8 и 9 апелляціонныхъ дѣлъ въ недѣлю.

Если бы между сенаторами была должная твердость единомыслия, то надлежало бы о первомъ представить Государю въ справедливое оправданіе свое, а о послѣднемъ изъ усердія къ истинному успѣху въ дѣлахъ, котораго не можетъ быть при скорости безмѣрной.

Могутъ голоса быть, конечно, и отъ охоты спорить, и отъ разныхъ пристрастій; но, можетъ быть, разномысліе основано и на самомъ чистосердечномъ побужденіи къ правдѣ, при свойственныхъ человѣческому понятію ошибкахъ. А какъ и того и другого безпогрѣшно всегда опредѣлить невозможно, то кажется полезнѣе для правосудія, чтобъ были споры, хотя иногда и неосновательные, нежели, чтобъ не было ихъ для того только, что боятся спорить.

Чтожь принадлежитъ до скорости, то она, по мнѣнію моему, гораздо вреднѣе медленности въ судопроизводствѣ. Лучше истцу подождать, но получить принадлежащее ему, нежели онаго лишиться чрезъ необдуманное по скоропостижности рѣшеніе. Лучше просидѣть годъ лишній въ тюрьмѣ невинному, нежели отъ незрѣлости уваженія поспѣшнаго суда отправиться на каторгу.

И потому то я не только не жалѣю теперь, что переведенъ изъ Уголовнаго Департамента, но очень бы опечалился, если бы случилось опять въ немъ присутствовать, при такомъ образѣ теченія дѣлъ.

Снѣшить и хорошо дѣлать естественно развѣ на пожарахъ; но и на нихъ часто ломаютъ лишнее въ напрасный убытокъ людямъ.

Безмѣрною снѣшностію отнимутся все способы хорошенько вникать въ дѣла должнаго въ нихъ разсужденія,—и по неволѣ ихъ оставить въ рукахъ у докладчиковъ да у Оберъ-Прокуроровъ съ Генераль-Прокуроромъ, отъ вліянія которыхъ они и такъ по несчастію всегда гораздо больше зависѣли, нежели надобно.

Въ общемъ собраніи два раза въ недѣлю докладываютъ по два и по три дѣла въ каждое, это можно сказать, хотя,—говоря о собраніяхъ такого важнаго Правительства и неприлично бы,—одно щеголь-

ство. Дѣйствительнаго же отъ того успѣха никакъ быть не можетъ. Во первыхъ, едва ли чьихъ силъ достанетъ на прилежное прочтеніе по столькимъ дѣламъ всѣхъ Записокъ. Сіе должно естественно мѣшать хорошему разсмотрѣнію; а со стороны скорости, то расчисливъ время, нужное для Консультации по всѣмъ симъ спѣшно рѣшимымъ дѣламъ, и для обращенія изъ нея въ Сенатъ къ окончанію надлежащаго производства ясно откроется, что нисколько отъ оной спѣшности прямо скорѣе оканчиваться дѣла не могутъ: а хуже разсматриваться и рѣшаться будутъ непремѣнно.

Впрочемъ, нынѣ почти труда не стоитъ заботиться Сенаторамъ разсматриваніемъ дѣлъ въ общемъ собраніи; и ломать свои головы о томъ, какое въ немъ дать мнѣніе; развѣ для того только, какъ я гдѣ то сказалъ, чтобъ омыть свои руки, ибо такъ уже укоренился нещастный обычай большинствомъ голосовъ соглашаться съ предложеніями Министерства Юстиціи или какого нибудь моднаго Оберъ-Прокурора, что все равно какъ бы они одни рѣшили дѣла, а Сенаторскія разсужденія и труды со всѣмъ становятся лишнія. Самихъ же Сенаторовъ слабость, конечно, тому виною.

Всегдашнее отступленіе отъ своихъ мнѣній и согласіе съ такими предложеніями ясно обнаруживаютъ жалкое состояніе суда въ самомъ верховномъ судилищѣ и правительствѣ, коего долгъ наблюдать за правосудіемъ и во всемъ государствѣ.

Тутъ то можно бы кстати сказать: неужели одинъ всегда бываетъ всѣхъ умнѣе; и всегдашнее уваженіе къ такому одному, не явное ли показываетъ презрѣніе правды и законовъ.

Безпристрастіе, зрѣлое уваженіе и точность въ наблюденіи судебного порядка, должны быть неразрывны, и составляютъ истинную натуру правосудія. Безъ того мертвы будутъ законы сколько бы они хорошо написаны не были.

Въ нѣкоторомъ смыслѣ можно сказать, что законы всѣ хороши, только бы исполнялись; и никогда, конечно, не бываетъ зла отъ недостатка законовъ, а все отъ того, что не слѣдуютъ ихъ справедливости.

Могутъ, конечно, и законы быть хуже и лучше: и нужно перемѣнять ихъ иногда, такъ сказать, по времени и возрастамъ народовъ. Перемѣну сію удобнѣе, думаю, дѣлать частно, ознакомливая людей постепенно съ каждымъ новымъ узаконеніемъ. Перемѣна же вдругъ

цѣлаго круга законодательства въ Государствѣ. самымъ уже тѣмъ громомъ, который сопровождать ее долженъ, можетъ произвести въ умахъ колебаніе. коего послѣдствія—вредъ, или пользу, трудно прежде отгадать.

Но все же главное въ судопроизводствѣ дѣло—любовь къ правдѣ. вниманіе и порядокъ; первая лучше не захочетъ судить, нежели спѣшить судомъ; а послѣднихъ при торопости сохранить невозможно.

Отъ этой то. я думаю. торопости. разсуждать мѣшающей или отъ желанія, чтобъ какъ можно меньше входило дѣлъ для того, чтобъ выслуживаться мнимымъ успѣхомъ въ томъ, *что нѣтъ у насъ дѣлъ, всѣ перерѣшены.* думаю отъ того, а не отъ совершенной холодности къ человѣчеству,—вотъ что произошло въ 6-мъ Уголовномъ Департаментѣ.

Вдругъ рѣшились на производства по важнѣйшимъ уголовнымъ дѣламъ о людяхъ нижняго состоянія не принимать жалобъ, которыя въ Сенатъ принимались, и сдѣлали о томъ опредѣленіе. Оберъ-Прокуроръ, не находя онаго противнымъ закону. не пропустилъ однако жъ опредѣленія потому, что оно отмѣняетъ прежнія. Перешло дѣло въ общее Собраніе. Всѣ согласились съ опредѣленіемъ. чтобъ не принимать жалобъ. Я далъ голосъ съ изъясненіемъ о пользѣ принятія оныхъ жалобъ, по могущимъ быть злоупотребленіямъ отъ нецѣпиманія ихъ. Со мною согласились трое.

По обыкновенной отсылкѣ дѣла на консультацію, получено предложеніе отъ Министра Юстиціи, который также находить, не должно принимать такихъ жалобъ; но какъ они уже давно принимались, то, чтобъ не поступить противно указу, запрещающему разность рѣшеній. надлежитъ объ отмѣнѣ тѣхъ жалобъ поднести Государю докладъ.

На сіе предложеніе Министра записалъ я слѣдующій отзывъ:

„Жалобы оныя. неапелляціоннымъ порядкомъ и безъ остановки безвременной теченія дѣлъ. болѣе десяти лѣтъ принимались въ 5-й, что нынѣ 6, департаментъ; то есть, съ того времени, какъ уголовныя и слѣдственные дѣла переданы были въ него изъ 2-го. но по самымъ симъ переданнымъ дѣламъ—весьма мнѣ извѣстнымъ. ибо я въ то же время началъ присутствовать въ 5 Департаментѣ,—видно, что во второмъ принимались оныя жалобы еще много лѣтъ прежде.—До учреж-

деній о Губерніяхъ принимаемы онѣ были такъ же въ Сенатѣ на рѣшенія Юстиць-Коллегіи. Губернскихъ канцелярій и проч. Словомъ: едва ли не во все время существованія Прав. Сената принимались онѣ.

„Итакъ, опыты цѣлаго уже столѣтія доказываютъ съ одной стороны, сколько принятіе оныхъ жалобъ служило перѣдко къ защитѣ и избавленію невинности: столько съ другой, что не доходило еще число дѣлъ сего рода до такого множества, коимъ бы Сенатъ необъятно и для человѣчества бесполезно затруднился. Если бы и до того, паче чаянія, дошло, то и тогда время принять мѣры къ ограниченію труда излишняго и безуспѣшнаго, но доселѣ человѣчество часто избавлялось отъ напраснаго страданія чрезъ разсматриваніе оныхъ жалобъ, а Сенатъ еще никогда, по справедливости, слишкомъ обремененъ ими не былъ. Успѣхъ же въ первомъ стоитъ того, чтобъ продолжать трудъ послѣдняго и въ большемъ гораздо количествѣ.

„Впрочемъ, Сенатъ всегда занимался уваженіемъ оныхъ жалобъ, только по мѣрѣ того, сколько которая изъ нихъ того заслуживала, и тогда только останавливалъ производство дѣлъ и приступалъ къ изслѣдованію объясненіями, когда находилъ обстоятельства основательныя на неправость суда сомнѣнія навлекающія. Но, по крайней мѣрѣ, существовало обузданіе на неправду въ судахъ, по части, столь тѣсно сопряженной съ жребіемъ жизни человѣческой, и свободный открытъ былъ путь—къ скорой защитѣ. Когда же обузданіе оное снимется, то естественно усугубятся злоупотребленія отъ небрежности или пристрастій неискоренимыхъ.

„Не оскорбляя вообще самаго почтеннаго званія губернаторскаго, можно осмѣлиться сказать, что бывали губернаторы и несоотвѣтствовавшіе своему назначенію. Они получали и должное отъ правосудія за то возмездіе.—Но если были такіе, то и впредь иногда быть могутъ, и пока подвергнутся справедливому оному возмездію, многіе и по сей важной части уголовной пострадають отъ ихъ притѣсненія, безъ преграды ему.

„То же можно сказать и о судяхъ, которыхъ выборъ еще затруднительнѣе, въ разсужденіи большаго ихъ числа, и недерзно предположить, что когда снимется обузданіе, налагаемое принятіемъ въ Сенатѣ частныхъ оныхъ жалобъ на рѣшенія уголовныхъ Палатъ и на производство дѣлъ уголовныхъ (ибо, оставя принятіе первыхъ, несходно было бы даже съ естественнымъ порядкомъ принимать послѣднія) не

дерзно. говорю, предположить, что когда снимется оное обузданіе, то иногда случиться можетъ, что по ссорамъ Губернаторовъ и судей съ помѣщиками, цѣлыя деревни въ рабочую пору будутъ сидѣть въ тюрьмахъ, и лучшіе крестьяне отправятся въ ссылку казенныхъ поселянъ, мѣщанъ, и прочихъ людей тѣхъ состояній, о коихъ дѣла не вносятся на ревизію Сената, богатые гораздо чаще подъ судъ попадаться станутъ.

„Неправда и неусмотрѣніе вездѣ, конечно, быть могутъ--и въ высшихъ судахъ, какъ и въ нижнихъ. Но чѣмъ больше имъ преградъ, тѣмъ спасительнѣе для невинности.

„А по всѣмъ симъ причинамъ, сказаннымъ мною въ подкрѣпленіе, даннаго отъ меня мнѣнія въ Общемъ Собраніи Прав. Сената, по одному дѣлу о не принятіи жалобъ: полагаю я, что не должно прерывать принятія ихъ. столь многіе годы продолжавшагося и бывшего однимъ сколько нибудь способомъ къ защитѣ для милліоновъ, коихъ судьба по дѣламъ уголовнымъ совершенно и часто невозвратно оставляется въ полной зависимости отъ рѣшеній губернскихъ“.

„Сверхъ того не нахожу я, чтобъ закономъ запрещалось принятіе въ Сенатѣ таковыхъ жалобъ, и чтобъ уваженіе оныхъ не принадлежало до верховнаго вниманія сего Прав. Судилища, коему въ Высочайшемъ указѣ 1802-го года 8-го Сентября, правомъ, должностію, и обязанностію постановлено: „Пещись какъ хранителю законовъ о повсемѣстномъ наблюденіи правосудія, и прекращенія всякихъ противузаконныхъ дѣяній во всѣхъ подчиненныхъ ему мѣстахъ.“

„Докладъ же Его Императорскому Величеству считаю и за нужное и Сенату приличное, разсудя въ общемъ собраніи и сообразивъ къ устройству лучшія мѣры, поднести о слѣдующемъ.—

„Апелляція на рѣшеніе палатъ по дѣламъ уголовнымъ не дозволяется. кромѣ тѣхъ подсудимыхъ, которые осуждены къ лишенію жизни, или къ лишенію чести или къ торговой казни, то есть по дѣламъ маловажнымъ. Кто теряетъ одну четверть земли, или нѣсколько рублей, тотъ имѣетъ всѣ способы и время, по крайней мѣрѣ, въ инстанціяхъ, защищать право свое, и всегда знать о теченіи своего дѣла.

„А по самымъ важнымъ дѣламъ осуждаемый къ лишенію жизни, чести или къ торговой казни, съ первой минуты начала надъ нимъ

слѣдствія, или взятыя его подѣ стражу. до послѣдней, когда объявится ему рѣшительный приговоръ для отсылки его на казнь, не вѣдаетъ своей участи, не имѣетъ никакого способа опровергать несправедливыхъ объ немъ въ судѣ заключеній, какія бы сильныя на то доказательства имѣть ему ни случилось, однимъ словомъ, совсѣмъ въ рукахъ у судящихъ:—а безграмотный, каковыхъ по симъ дѣламъ большая часть, и въ показаніяхъ своихъ, коимъ его судятъ, зависитъ отъ тѣхъ, которые ихъ записываютъ; другому никому за такого страдальца законы не только ходатайствовать явно не позволяютъ, но строго запрещаютъ и знать объ дѣлѣ.

„И весьма случаться можетъ, что истинно невинный и въ невинности своей спокойно ожидающій свидѣтельства по справедливости отъ суда. вдругъ услышитъ при открытыхъ дверяхъ палаты кнуть себѣ или ссылку. А Сенатъ про то и не свидѣтельствуеть никогда.

„Всеі пути его бюстительства и прибѣжища къ нему пресѣкаются—одинъ оставался—принятіе оныхъ жалобъ, который нынѣ самъ Сенатъ уничтожаетъ. Присылка экстрактовъ изъ колодничьихъ дѣлъ уже давно отмѣнена, хотя и въ мое присудствіе въ Сенатъ не разъ по разсмотрѣніи экстрактовъ сихъ возвращали съ каторги напрасно въ нее сосланныхъ.

„Вотъ о чемъ, по мнѣнію моему достойно Прав. Сената поднести Его Императорскому Величеству всеподданнѣйшій докладъ:—и хотя благонамѣреніемъ мудрости учреждена коммисія о сочиненіи Заповѣ; но въ дѣлахъ, спасающихъ отъ гибели человѣчество, дорогъ и часъ.

„Все сіе сказать при настоящемъ случаѣ счелъ я за долгъ званія сенатора, по совѣсти и по усердію къ общему благу Государства, и особое щастіе всегда почту повторить предъ самымъ Всеавгустѣйшимъ лицомъ Императора. 29-го Января 1809-го года.“

*

Въ общемъ собраніи большинствомъ голосовъ опредѣлено, согласно предложенію Министерства Юстиціи поднести Государю докладъ о неприиманіи оныхъ жалобъ,—А я, оставшись при своемъ мнѣніи, послалъ на той же почтѣ (8 Марта 1809-го года) на который докладъ сей отправленъ къ Его Величеству, съ надписью въ *собственныя руки*, слѣдующее представленіе:

„Прав. Сенатъ въ общемъ собраніи Московскихъ Департам. большинствомъ голосовъ опредѣлилъ поднести Вашему Императорскому Величеству докладъ о томъ, чтобъ не принимать въ Сенатѣ жалобъ на производство уголовныхъ дѣлъ о людяхъ нижняго состоянія къ тяжкому наказанію присуждаемыхъ;—такихъ жалобъ, кои всегда въ Сенатѣ принимались и которые были для людей оныхъ однимъ путемъ приближища къ Вышнему правительству, въ случаю невинности или осужденій, превосходящихъ мѣру законнаго опредѣленія.

„Разсуждая, что слѣдствіемъ того могутъ быть большія злоупотребленія во вредъ человѣчеству и правосудію дважды изъяснялъ я въ общемъ Собраніи о всѣхъ злоупотребленіяхъ произойти могущихъ.“

„При большинствѣ голосовъ, по настоящему учрежденію Сената, голосъ мой долженъ сокрыться недѣйствительностію.—Но считая, что сіе особливою есть важности, по существу своему, въ общемъ кругѣ судопроизводства, и по отношенію его къ жребію большаго числа людей въ Государствѣ, приѣмлю смѣлость донести объ немъ Вашему Императорскому Величеству, всеподданнѣйше представляя при семъ на Высочайшее благоусмотрѣніе поданныя мною въ общемъ собраніи мнѣнія.

„Симъ, по крайней мѣрѣ, успокаиваются чувствованія долга моего званія, одушевляемая безиредѣльнымъ усердіемъ къ истинной Вашей Славѣ и къ благу отечества.“

Оканчиваю повѣсть о моихъ мысляхъ. Не всеъ разсказалъ я ихъ здѣсь, но не сказалъ и ни одной небылицы. Будетъ ли что еще въ жизни моей достойное описанія, и успѣю ли его сдѣлать—не знаю.

quis scit, an adjiciano hodierno
crustino summa tempora di superi.*)
Horat. ad. VI.

Теперь посреди службы и Москвы обширной живу я въ пустынѣ. Лучшіе друзья мои почти всеъ разлучены со мною смертью или отсутствіемъ. Бесѣдою мертвыхъ друзей человѣчества въ просвѣщенныхъ ихъ писаніяхъ питаю я душу; а тѣло подкрѣпляю прогулкою и воздухомъ. Не ѣзжу я на вечерніе обѣды и на утренніе ужины. Не

*) *Не знаю, доживу ли до завтра.* Переводъ короткій и самый вѣрный.

ѣзжу такъ же въ театры, и для того, что не нашель я никогда ни одного, въ которомъ бы хотя на минуту можно забыть, что видимъ актеровъ.

Но довольно нынѣ заниматься зрѣлищемъ великаго театра вселенной, на которомъ чудесная быстрина сценъ весьма разительно вѣщаетъ, что Мiръ переходитъ...

Кстати скажу, что пишетъ о семъ ко мнѣ въ послѣднемъ письмѣ своемъ почтенный другъ Юнгъ Штиллингъ, сей Небомъ посвященный проповѣдникъ истины и предвозвѣстникъ явленій ея царства...

„Что касается вообще до хода вещей, пишетъ онъ, въ политическомъ мiрѣ, то со дня на день все больше раскрывается, и кому духъ предсказанія отверзеть очи, тотъ скоро увидитъ, чему изъ того выйти должно. Наше же дѣло есть только пребывать въ бдѣнiи, въ молитвѣ, и въ прилежной борьбѣ со грѣхами, приготовляя свѣтильникъ свой на срѣтенiе Господа.“

Гонить меня къ уединенiю и наскучливость, такъ сказать, жизни, въ которой испыталъ я, хотя въ образчикахъ, всѣ мечты суетнаго счастья:—и знатность породы и чиновъ, кою такъ малодушно кичатся, и бѣдность богатства, и горечь сладострастiя и пустоту шумныхъ веселiй—и тщетность похвалъ и почестей.

Пѣли меня стихотворцы и не за деньги.*) Меня пѣли въ своемъ Владимирѣ и Херасковъ, которому недавно отданную справедливость назначенiемъ отъ Россiйской Академiи сочинить ему похвальное слово. читалъ я съ чувствительнѣйшею признательностию къ уваженiю достоинствъ, приносящихъ Отечеству честь, къ которому нѣсколько лѣтъ питалъ я и доказывалъ самую искренюю дружбу—и кою смерть оплакивалъ я всею нѣжностию сердца.

И такъ, все часъ отъ часу болѣе убѣждаетъ меня, что для истиннаго счастья нужно только *одно*, которое вездѣ и всегда съ нами быть можетъ, и кою никто изъ смертныхъ не можетъ ни дать, ни отнять.

*) Всего лестнѣе для меня посланiе ко мнѣ изъ Рязани въ 1807-мъ году, напечатанное въ Вѣстникѣ Европы, а послѣднее лестно особливо, потому, что я совсѣмъ незнакомъ былъ съ сочинителемъ; не только, чтобъ привлечь его благосклонность какою нибудь услугою: да онъ ни въ какой надобности не нужеть. Впрочемъ похвала сія не можетъ ослѣпить меня, ибо я знаю сколько свойственно пристрастiе энтузіазма такому доброду и благородному сердцу, каковыя отличается изящный оный поэтъ, украшающій Россiйскую Литературу произведенiями рѣдкихъ его дарованiй.

Подъ симъ первое добро есть дружба. Я имѣлъ друзей, конечно, по всему изъ лучшихъ въ Государствѣ; нѣкоторыхъ и теперь имѣю. Иные оставили меня, но я не переставалъ любить ихъ, хотя о потерѣ дружбы ихъ я не жалѣю, потому что они меня оставили.

Однако есть еще у меня друзья добрые и есть люди, которые конечно меня помнятъ и любятъ.

Заключу повтореніемъ конца того завѣщанія*), которое писалъ я къ нимъ нѣсколько лѣтъ назадъ въ чувствованіяхъ очень непритворнаго памятованія о смерти.

Друзья и всѣ, которые знаютъ меня и любятъ, когда я умру, не тратьте иждивенія на покровъ земли землею, художествомъ испещренною. Употребите оное лучше на возбужденіе въ добрыхъ сердцахъ скудости благодаренія къ источнику всѣхъ благихъ даровъ.

Не пишите и не заставляйте писать мнѣ похвалъ: да вы и сами сего не сдѣлаете, не для того только, что я ихъ не заслуживаю, но для того, чтобъ не сравнить меня со всѣми тѣми, которыхъ хвалятъ.

Одинъ вздохъ истинной любви больше усладитъ мою память, нежели книга похвалъ, написанныхъ рукою хладнаго искусства.

Одна слеза нѣжности!—слезамъ печали, друзья мои, не давайте воли. изъ уваженія къ закону великодушія и добродѣтели—одна слеза нѣжности, пролитая на простой муравою одѣтой могилѣ моей, болѣе прославить мой прахъ, нежели великолѣпнѣйшее надгробіе, поставляемое алчнымъ наслѣдникомъ, радующимся смерти оставившаго ему тысячи, омытыя плачемъ ближнихъ.

Нѣтъ, друзья мои, не похвалъ и памятниковъ хочу я отъ васъ.

Возобновите ко мнѣ въ сердцахъ своихъ неразрывный, вѣчный узелъ дружбы, не умирающей съ тѣломъ и неограниченной временемъ.

Поминайте меня горячею, вѣрною любовію ко всему тому, что было дорого и любезно моему сердцу!...

---

*) Сіе завѣщаніе напечатано при второмъ изданіи сочиненной мною драмы: Торжество правосудія и добродѣтели, или добрый судья 1898-го года въ Москвѣ.

Когда вспомните, что сердце сіе было вѣрнымъ хранилищемъ драгоцѣннаго залога дружбы вашей, что оно рыдало о всякомъ огорченіи вашемъ и восхищалось всякимъ вашимъ удовольствіемъ:—когда вспомните, что я плѣнялся красотами истины, хотя слабо соблюдалъ ея небесныя уставы, что я усердно чтить во всемъ изящное, стремился любить человѣчество и ближнему служить готовъ былъ, что если кого и оскорбилъ, то безъ намѣренія... и охотно бы согласился оное загладить величайшимъ прискорбіемъ самому себѣ.

Когда при томъ вспомните о моихъ порокахъ и слабостяхъ, гораздо превосходящихъ то малое добро, которое можетъ быть мнѣ случилось въ жизни своей ощутить и сдѣлать, то, друзья мои! изъ глубины пылающихъ любовію сердецъ вашихъ пожелайте только, чтобъ не по заслугамъ моимъ, а по единымъ щедротамъ благодати, пилъ я неисчерпаемую чашу блаженства, въ той непостижимой странѣ, гдѣ цвѣтетъ вѣчный садъ радости, гдѣ вѣчная жизнь, здравіе, спокойство, наслажденіе, разливаются неизсякаемымъ источникомъ, изъ котораго происходитъ и всякое доброе дѣло и всякая мысль добрая.

Конецъ.

